

ОСНОВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ФУНКЦИОНАЛЬНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ ЗНАЧИМЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ОЦЕНОЧНЫХ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА И РЕЧИ

И.В. Чекулай, О.Н. Прохорова

Кафедра английского языка

Белгородский государственный университет

ул. Победы, 85, Белгород, Россия, 308015

Статья является продолжением начатого в «Вестнике РУДН» описания когнитивно-лингвистического подхода к изучению языковой оценки. В ней рассматриваются философско-методологические основания функционально-деятельностного подхода к изучению языковой ценности и речевой оценки.

В исследованиях оценки и ценности в философии, психологии и лингвистике давно витает идея, которая у Н.Д. Арутюновой сформулирована следующим образом: «Будучи верифицированным, смысл высказывания порывает с автором речи и приобретает автономность; мнение становится знанием (фактом)... Оценка, напротив, связана с жизнедеятельностью человека. Это хорошо показывают данные сравнительной оценки, на базе которой сформировался особый синтаксический тип — предложения операционального предпочтения. Жизнь на этом участке вторглась в грамматические парадигмы и перестроила сложившиеся в них отношения. Однако оценка не погружена полностью в поток происходящего. Ее роль состоит в том, чтобы соотнести предметы и события с идеализированной, т.е. нормативной, картиной мира. Ее пафос заключен в отделении нормы от аномалий» [1. С. 8]. Как представляется, данной точке зрения может быть дана следующая интерпретация.

В основе оценки как отражения взаимоотношений между мыслящим субъектом и мыслящими или немыслящими объектами действительности лежит жизнедеятельность субъекта. Этот субъект руководствуется определенными (или зачастую не совсем определенными) мотивами, в связи с этими мотивами ставит перед собой определенные задачи, планирует выполнение деятельности в целом или определенных действий как этапов в пределах более обширной деятельности. В ходе деятельности он сталкивается с различными лицами, существами, предметами, явлениями и т.д., которые можно объединить понятием объекта деятельности. Часть этих объектов субъект может использовать в рамках определенной деятельности в качестве инструмента или средства для выполнения стоящих перед ним задач. К другим объектам (лицам) субъект может апеллировать в связи с общей ситуацией коммуникации, где, собственно говоря, и решается основная задача использования языковых и речевых средств. Не исключено, что лицо, упоминаемое в ходе коммуникации, непосредственно в ситуации общения участия не принимает, но по ходу предыдущих этапов жизнедеятельности известно как

адресанту, так и адресату сообщения. Также является возможным присутствие в ситуации общения других лиц, и апелляция субъекта высказывания рассчитана не только на непосредственно адресата сообщения, но и на них. В лингвистической прагматике все эти факторы давно исследованы и не вызывают каких-либо дополнительных интерпретаций. Именно по той причине, что оценочное сообщение всегда рассчитано на иллокутивный эффект, оценочное значение зачастую идентифицируется как прагматическое значение. Но при этом обращает на себя внимание тот факт, что, какими бы различными ни были условия коммуникации по составу и роли коммуникантов, оценочные средства сохраняются в более или менее одинаковой форме экспликации. Так, словосочетание «хорошая книга» в устах определенного субъекта высказывания будет означать книгу, которую интересно читать субъекту, независимо от мнения об этой книге других участников речевого акта. Производя оценочное высказывание, субъект как бы навязывает свои взгляды, убеждения, волю, чувства, симпатии и антипатии аудитории независимо от ее количественного состава. Это показывает, что оценочное значение находится ни в плоскости прагматики и речевых актов, ни в плоскости денотативной номинации, оно находится между ними и тесно связано с каждым из них.

Конечно, полностью развести оценочное и прагматическое значение невозможно. Мы не случайно оговариваемся, что оценочное высказывание не зависит от количественного состава аудитории, поскольку оно напрямую зависит от ее качественного состава. В частности, там, где для характеристики какого-либо человека, его поведения или ситуации мы употребляем прилагательное *silly* для одного рода слушателей, то для аудитории другого рода мы используем прилагательное *unreasonable* в силу его более высокой этической или политической корректности при всех прочих тождественных объективных показателях (например, речь идет об одном и том же референте, при одинаковой пресуппозиции знаний о нем и т.п., даже при тождественной структуре и компонентном составе оценочного высказывания, при варьируемых оценочных адекватных синонимах).

В связи с данными отношениями возникает соблазн связать общеструктурные характеристики языковой оценки непосредственно с объектом оценки или коммуникативными ролями участников речевого акта. При этом следует учитывать, что, размежевывая цели и задачи, понятия субъекта и объекта оценки, нацеленность на определенный результат и т.д., нельзя упускать из виду, что выбор синонимов типа *silly* и *unreasonable* обусловлен не только ролевым статусом коммуникантов, но и спецификой целей, которые ставит перед собой субъект оценочного высказывания. Выше мы затронули проблему функциональной вариативности объекта оценки. Как нетрудно заметить, она тесно связана с рассмотренной в данной связи целью оценочного сообщения с участниками данной коммуникативной ситуации. Несомненно, применение объекта реальности для достижения различных определенных результатов и использование дискретных единиц языка для достижения столь же различных и не менее определенных иллокутивных эффектов — это явления разного порядка. Однако их объединяет то общее отношение, что они являются комплексом средств решения определенной цели в рамках определенной деятельности, нацеленной на достижение определенного результата.

Таким образом, в функциональном подходе к изучению оценки следует учитывать следующие важные моменты, определяющие как структуру частного приложения функционального подхода к изучению оценки, так и те основные стороны такого подхода, которые позволяют выделить основные категории, задающие характеристики оценки как феномена мышления и языка.

1. Поскольку оценка представляет собой квалификацию фактов действительности и мышления с определенных позиций как личностного, так и объективного (основания оценки) планов в рамках определенной деятельности, то очевидно, что функциональная семантика оценки должна изучаться именно с деятельностных позиций. Поэтому представляется обоснованным функционально-деятельностный подход к изучению языковой оценки и принципов оценочной категоризации.

2. Деятельностный подход к изучению психических процессов и явлений получил достаточно широкое распространение и развитие в рамках отечественной психологической науки. Тем не менее, компонентный состав деятельности как категории мышления так и не получил однозначной трактовки. С другой стороны, в рамках логико-философских и лингвоаксиологических исследований были выработаны достаточно четкие категории, которыми характеризуются оценочные языковые суждения. Это такие категории, или, по мнению М.В. Никитина, существенные компоненты оценочной категоризации, как субъект, объект, основание, норматив, модус и релятор оценки [3]. Функционально-деятельностный подход к изучению принципов оценочной категоризации позволяет соединить достижения психологии в исследовании деятельности как основы психической и, следовательно, мыслительной деятельности с логическим аппаратом исследования концептов с их последующей экспликацией в форме языковых и речевых знаков. Таким образом, опыт деятельностного ума по структурированию ценностных и оценочных отношений получает достаточно релевантное научное обоснование.

3. Нельзя забывать, что человек является обладателем не только рационального мышления. Именно то, что человек в определенных ситуациях способен быть, с одной стороны, эмоциональным, а с другой стороны, волевым, и делает его собственно *человеком*, социальной личностью в единстве ее положительных и отрицательных сторон, а не рационалистическим механизмом. Психология деятельности рассматривает личность в единстве всех ее проявлений, в единстве рациональных и иррациональных мотивов совершения своих поступков. Тем самым не только логика обогащает психологию, но идет и обратный процесс обогащения психологии логическим структурированием даже алогичных действий. На этих основаниях функционально-деятельностный подход к изучению оценочной категоризации представляется наиболее перспективным, поскольку он представляет собой синтез единства противоположности рационального и иррационального в личности как деятельностном, творческом, мыслящем и в то же время имеющем чувства организме.

Поскольку язык является основным средством отражения мыслительных процессов, представляется, что в языковых единицах, и прежде всего в лексиче-

ских, сконцентрирован опыт оценочной квалификации действительности. Концепты, репрезентированные в форме лексических единиц, представляют собой ценности как концентрацию многовекового опыта выражения мышления через язык, применимого для мотивации и ожидания результатов от действий и деятельности определенной личности как частички социума в целом и языкового социума в частности. Именно по этой причине нейтральные лексемы могут иметь оценочную функцию в речи. Иными словами, все слова потенциально обладают оценочными свойствами. Но эти свойства могут реализоваться только в связной речи, в синтагматике синтаксических единиц. Поэтому среди всех лексических единиц языка выделяются особые, не имеющие определенного денотата и в то же время способные описывать любой денотат, лексемы репрезентации концентрированного оценочного опыта.

На наш взгляд, при определении таких лексем в качестве основных узлов категориально-оценочной номинации следует учитывать два важных фактора. Первым из них является тот факт, что ценностный опыт социума формируется как в синхронии межличностных отношений, так и в их диахронии. Однако язык как средство общения должен приспособлять общий опыт социума к современности, к условиям реальной коммуникации. Поэтому не существует разделения между лексическими единицами представления ценностных концептов в диахронии и в синхронии. В то же время ценности в ходе истории могут переосмысливаться, и очень часто «с точностью до наоборот». В этой связи интересный пример из реалий ценностного мышления англоязычного социума приводит М.В. Давыдов. Так, если в XIX и в начале XX веков прилагательное *square* носило явно положительную оценку поведения англичанина как носителя традиций, соблюдения правил приличия, социального этикета и т.п., то в более поздний период это слово приобрело отрицательную коннотацию насмешки над косностью, ортодоксальностью, скованностью традициями, условностями и привычками [2]. Нейтральные в плане оценочных отношений лексемы также в ходе истории могут развивать оценочные коннотации. Так, нейтральное славянское слово *pozor* в значении «зрелище, объект, достойный наблюдения» в русском языке приобрело отрицательно-оценочную коннотацию, в то время как в других славянских языках оно сохранило исконное значение (например, в чешском языке *pozor* означает «внимание»). Изначальные ценности в ходе исторического развития подвергаются переосмыслению, адаптации к современным условиям, духу времени.

Вторым важным фактором является то, что ценности, несмотря на их, казалось бы, незыблемый характер, могут подвергаться определенным личным интерпретациям. Это происходит в силу их семантической многогранности и фактически отсутствия денотативного содержания. Поэтому внутри общества наблюдается противоположное оценочное отношение к таким концептам, как «богатство» и «бедность», «гордость» и «скромность», «амбиция», «карьера» и им подобным. Эти концепты могут быть познаны лишь в результате наблюдения за их определенными реализациями в жизни отдельных индивидов. Но там, где один человек делает карьеру честными, с точки зрения массы людей,

способами, другой достигает успеха в жизни нечестным путем. В силу этого отношение к данным концептам даже в рамках единого общества, на определенном синхронном срезе, может быть неоднозначным. Кроме того, индивидуальность исторического развития языкового социума дает различные результаты определения коннотативного экстенционала этих концептов. Так, если в русском языке слово «карьера» ассоциируется преимущественно с чем-то низким, связанным с пресмыкательством перед вышестоящими лицами и унижением нижестоящих, то слово английского языка *career* ассоциируется скорее с положительным опытом достижения определенного социально признанного результата в жизни человека. Поэтому следует сразу отметить, что, очевидно, оценочные концепты в их выражении лексико-фразеологическими средствами в различных языках в принципе сопоставимы, но имеют существенные различия.

В то же время существуют ценностные концепты, безусловно, передаваемые различными формами лексем в разных языках, принципиально соответствующие друг другу без существенных различий в лексико-семантической структуре этих слов. Именно эти слова являются опорными семантическими матрицами, соотносящими ценностную структуру общественного мышления с системой ассоциативных взаимосвязей различных лексических единиц, употребляющихся для их выражения в различных языках.

Развивая объяснение содержания терминов «оценочная матрица» как некоего абстрактного обобщения подхода к изучению концептуальной структуры ценности и «матричный концепт» как определенной ментальной структуры для выражения ценностного опыта языкового социума [4] в свете функционально-деятельностного изучения ценностных концептов в их выражении языковыми средствами, следует отметить важную характеристику матричных оценочных концептов. Она состоит в том, что ценностная концептуальная матрица фактически не имеет аксиологического знака «положительно» или «отрицательно». Ценность воспринимается как объективная данность, а уж оценочное содержание пользователь языком вкладывает в нее лишь непосредственно в речевом акте как стадии, предвещающей актуализации оценочного высказывания или текста. Естественно, что такие лексемы, детерминирующие базовые аксиологические концепты, как «добро» и «зло», следует исключить из данной парадигмы. Но обычные, передающие предметные данности действительности концепты могут в различных ситуациях общения и переосмысливаться по-разному. Так, например, различное оценочное содержание вкладывают регулярно пьющий человек и его домашние в концепт, выражаемый словом русского языка *водка*. Или же, например, едва ли можно утверждать, что слова «разведчик» и «шпион» передают разные концепты. Ценностное содержание данного концепта таково: «человек, который осуществляет разведдеятельность в пользу определенного государства, корпорации и т.п.». Но едва ли гражданин России, с детства говорящий по-русски и с детства воспринимающий ее взлеты и падения на мировой арене, скажет **российский шпион*. Эти слова передают противоположные оценки при их одинаковом денотативном содержании, и тем самым представляют единую ценность.

В то же время едва ли можно отрицать, что подобные явления характерны и другим языковым системам. Так, представитель англоязычного социума едва ли назовет Джеймса Бонда словом **spy*. В английском языке существует слово для номинации данного ценностного концепта, и это слово *agent*. В принципе, в русском языке заимствованное слово *агент* также передает общий ценностный концепт, но это слово менее рекуррентно, нежели исконное слово *разведчик* для передачи данного концепта. Тем не менее, аналогия в номинации одного и того же концепта в его выражении в двух различных языках является очевидной. Сопоставительный анализ ряда других ценностных в социальном и культурном отношении концептов в их выражении средствами русского и английского языков также показывает их однородность, а тем самым и указывает (по крайней мере, опосредованно) на семантическую универсальность таких концептов.

Объяснением универсального характера этих концептов может быть как раз подход с позиций деятельности. Представители различных наций и народностей едины не только в антропологическом и биологическом планах, они едины и общих индивидуальных устремлениях. Человек совершает неблагоприятные поступки не в качестве жизненной цели, а в качестве средства достижения положительного личного результата. Это, естественно, ни в коей мере не является оправданием таких действий и поступков, это простое объяснение такого социального феномена, как зло. Перефразируя максиму А.П. Чехова «Человек рожден для счастья, как птица для полета», можно сказать, что человек рожден для добра, но в ходе жизнедеятельности совершает зло для того, чтобы, по своему собственному убеждению, достигнуть добра. Полагая, что какой-то индивид стоит на пути его личного достижения добра, человек пытается его обмануть, шантажировать, игнорировать как личность и т.п. Иными словами, любой человек, независимо от того, в каком месте земли он живет и на каком языке общается с близкими людьми, нацелен на достижение чего-то абстрактного положительного. С когнитивных позиций это можно назвать положительным оценочным гештальтом. Но в большинстве случаев, полагая цель первичной, а средства вторичными в их ценностном плане, он зачастую сознательно идет на применение зла во имя добра. Это убедительно показано в следующем примере из «Тихого Дона», снискавшего, как известно, ее автору Нобелевскую премию в области литературы за глубину передачи человеческих отношений и характеров. Это рассуждения Евгения Листницкого после того, как Аксиныя Астахова уступила его домогательствам:

«Уже лежа в постели, потирая пухлую, мягкую грудь, подумал: „С точки зрения честного человека — это подло, безнравственно. Григорий... Я обворовал ближнего, но ведь там, на фронте, я рисковал жизнью. Могло же так случиться, что пуля взяла бы правее и продырявила мне голову? Теперь я истлевал бы, моим телом нажирались бы черви... Надо с жадностью жить каждый миг. Мне все можно!“» (Шолохов. *Тихий Дон*).

Казалось бы, сложная система человеческих взаимоотношений едва ли может быть уложена в прокрустово ложе формального системного описания. Но факт того, что мы концептуализируем собственный и социальный ценностный опыт,

отражаем его в категориях добра и зла и выражаем его средствами языка, говорим о том, что такая система существует.

На наш взгляд, научное обоснование деятельностного подхода к изучению явлений языка и речи в целом и к изучению категориальной рубрикации и механизмов речевой актуализации категорий ценности в системе языка и оценки как средства речевой квалификации действительности требует анализа деятельности не только как методологической основы такой категоризации, но и в качестве универсального способа существования материи и мысли. Поэтому, прежде чем будут выяснены деятельностные основания категориального осмысления ценности и оценки, необходимо дать анализ деятельности как не менее важной философской категории, чем ценность и оценка, и описать ее характеристики как дискретного феномена действительности и сознания.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. — М.: Наука, 1988.
- [2] Давыдов М.В. Звуковые парадоксы английского языка и их функциональная специфика. — М.: Изд-во МГУ, 1984.
- [3] Никитин М.В. Основания когнитивной семантики: учебное пособие. — СПб.: Изд-во РГПУ, 2003.
- [4] Прохорова О.Н., Чекулай И.В. Принцип матрично-сетевой организации системы ценностных концептов // Вестник РУДН. Сер. Лингвистика. — 2007. — № 1(9). — С. 44—50.

THE MAIN PARAMETERS OF THE FUNCTIONAL AND ACTIVITY APPROACH TO THE STUDY OF THE NOTIONAL CHARACTERISTICS OF THE EVALUATIVE LANGUAGE AND SPEECH UNITS

I.V. Chekulai, O.N. Prokhorova

English Language Department
Belgorod State University
Pobedy str., 85, Belgorod, Russia, 308015

The article is the continuation of the description of the cognitive linguistic approach to the study of linguistic evaluation. Philosophical and methodological grounds of the the functional and activity approach to the study of language value and speech evaluation are viewed in it.